

Георгий Бен

ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ (ИСТОРИЯ МОЕГО ИСХОДА)

Вскоре после того, как в апреле 1973 года я эмигрировал из Советского Союза в Израиль, я встретился в Тель-Авиве с одной американкой, которая много расспрашивала меня о подробностях моего выезда. Мои рассказы (и, в частности, некоторые подробности в них) показались ей настолько интересными, что она предложила мне их описать – причем, на английском языке, чтобы она могла предложить их какому-нибудь американскому журналу. Я это сделал и послал свой опус ей в Америку. Не знаю, что она с ним сделала, однако этот текст так и остался ненапечатанным.

Недавно, роюсь в завалах своих бумаг, я обнаружил сохранившуюся у меня копию этой рукописи - и, к собственному удивлению, с интересом ее прочел. Оказалось, что и сам я не помню многих деталей своей выездной эпопеи. А нынешние жители России, небось, и подавно не знают, почему и как люди тогда подавали заявления о желании выехать в Израиль, как проходила процедура выезда, в какой обстановке жили и какие препятствия были вынуждены преодолевать «подаванцы», и т.д. Даже те, кто в то время общался с уезжавшими, тем не менее, глядя со стороны, тоже были об этом мало осведомлены; что уж говорить о следующем, более молодом поколении. Более того, мои беседы с людьми, которые сами эмигрировали за последние лет десять, когда процесс эмиграции был делом сравнительно легким, убедили меня, что и эти люди не представляют себе условий тогдашнего «исхода», когда некоторые действия, ныне вполне естественные, были строго запрещены или по другим причинам невозможны. В печатных воспоминаниях о том времени, опубликованных сейчас в России, полно в лучшем случае непроверенных сплетен, а в худшем - беспардонного вранья. А мой выезд, по тем временам относительно благополучный (многие другие люди столкнулись с трудностями, которых мне удалось избежать), был полон, по-моему, весьма впечатляющих и даже смешных эпизодов – более или менее типичных для многих выездов того времени.

Поэтому я решил перевести на русский язык свои тогдашние записки (разумеется, немало их обработав и, в частности, сократив то, что было бы непонятно иностранцам, но понятно жителям России) и представить вниманию российского читателя - хотя бы для того, чтобы его позабавить. Но, при всей стилистической и иной обработке, фактические сведения скрупулезно сохранены, и все они, прошу поверить мне на слово, достоверны; и я постарался избежать оценок и эпитетов: я излагаю факты, а выводы, если хочет, пусть делает читатель.

1. ПОЧЕМУ?

Терпение - прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтобы долго терпеть.

Абуль Фарадж

Возможно, мой путь в Израиль начался еще в августе 1952 года, хотя тогда я, конечно, не подозревал об этом.

В 1952 году, окончив среднюю школу в Ленинграде, я собрался поступать в вуз. Шел последний год сталинской эры. Кампания против евреев, прикрываемых прозрачными эвфемизмами «сионисты» или «космополиты», была в разгаре. Как раз 12 августа 1952 года, когда я сдавал вступительные экзамены в институт, была расстреляна группа

еврейских писателей: Перец Маркиш, Давид Бергельсон и другие (я об этом, конечно, тогда не знал). Впрочем, всё это сейчас достаточно известно, не буду зря растекаться мыслию по древу.

Конечно, о поступлении, скажем, в университет мне глупо было даже мечтать, поскольку, как говорилось в анонимном «самиздатском» стихотворении (приписываемом Борису Слуцкому), я

«... был еврей - мишень для шутки грубой,
Ходившей в те недобрые года:
Считался инвалидом пятой группы,
Писал в графе: национальность - „да"»

[N.B. *Рассказывали (не знаю, правда ли это, но - se non e vero, é bon trovato¹), что один еврейский выпускник школы, получивший золотую медаль (дававшую право на поступление вне конкурса, без сдачи вступительных экзаменов), пришел подавать документы для поступления в университет, но документы у него не приняли, и в приемной комиссии ему объяснили:*

- Нам кажется, что профиль нашего факультета вам не подходит.

На что он, прежде чем уйти, якобы огрызнулся:

- Нет, боюсь, что это мой профиль вам не подходит.]

В школе я больше всего интересовался литературой и историей и по этим предметам всегда имел пятерки. Ну, на исторический факультет, тем более университета, я поступать все же не решился, но на литературном, как мне казалось, я, авось, не стану persona non grata. Хотя литературный факультет тоже считался «идеологическим фронтом», как и исторический, но я наивно верил, что смогу поступить, если хорошо сдам вступительные экзамены. Я никогда не делал ошибок в правописании, а русскую литературу знал куда лучше, чем того требовала школьная программа. И поэтому, не дерзая прорываться в университет, я решил поступать на литературный факультет в Ленинградский Педагогический институт имени А.И.Герцена.

Поскольку я не окончил школу с медалью, мне предстояло сдать вступительные экзамены. Первым был письменный экзамен по русской литературе, на котором следовало написать сочинение. Не помню, какую мне предложили тему, но она мне показалась легкой. Когда мне пришел черед сдавать второй экзамен - устный экзамен по русской литературе, - я еще не знал, какую оценку я получил за сочинение, и всё еще тешился надеждой. Я легко ответил на три вопроса, содержащиеся в экзаменационном билете, и мои ответы не вызвали возражений или поправок. И тогда экзаменатор (точно помню его инициалы и фамилию - А.Г.Ходюк) начал задавать мне дополнительные вопросы. Обычно их задавалось не больше двух или трех, да и то тогда, когда, отвечая на основные вопросы билета, абитуриент в чем-то подкачал, и экзаменатор колебался, какую поставить оценку. Однако А.Г.Ходюк задал мне не два, и

¹ Если это и неправда, то хорошо выдуманно (итал.)

не три, и не десять, а *тринадцать* дополнительных вопросов, большей частью не имевших отношения к школьной программе. На двенадцать вопросов я ответил, а на тринадцатом срезался. Этот вопрос звучал так: «Что сказал Ленин о фольклоре?» Я этого не знал и начал что-то выдумывать. А.Г.Ходюк меня прервал, поставил мне тройку и заодно сообщил, что за сочинение я тоже получил тройку - поскольку, хотя орфографических ошибок там не было, «тема была недостаточно раскрыта». Двух троек было достаточно, чтобы на литературный факультет я поступить не мог: конкурс туда был довольно большой.

[N.B. Позднее я обратился к отцу моего друга - профессору Ленинградского университета, специалисту по латыни, и спросил его, что же все-таки сказал Ленин о фольклоре. Профессор-латинист этого не знал, но обещал справиться у филологов-русистов. С их слов он через несколько дней сообщил мне, что сам Ленин о фольклоре ничего не сказал, но Бонч-Бруевич в своих мемуарах вспомнил, что Ленин, прочитав сборник русских сказок, воскликнул: «Какая прелесть эти сказки! В них душа народная!»

Кстати сказать, я был тогда не один такой невезучий. Например, живущий ныне в Израиле профессор Брановер, крупный специалист по магнитогидродинамике, вспоминает, что когда он примерно в те же годы поступал на физико-механический факультет Ленинградского Политехнического института, на экзамене по русской литературе он получил тройку за то, что не смог ответить на вопрос: «В какое время дня и к кому отправилась Коробочка после того, как ее навестил Чичиков?»^{2]}

Утратив возможность поступить на литературный факультет, я перенес свои документы в приемную комиссию факультета иностранных языков. Этот факультет не считался «идеологическим фронтом» (ибо иностранцев в СССР тогда не пускали, а если бы и пускали, то какой смельчак стал бы с ними в сталинское время общаться?), да, к тому же, конкурс там был не очень большой. Я без труда сдал еще три экзамена - историю, географию и английский язык, -получил три пятерки и поступил на факультет.

Противнее всего было даже не то, что я не прошел по конкурсу (такую возможность я предвидел и даже загодя обдумал путь отступления, к которому и прибег), а то, что это было сделано так нагло и беспардонно. (Позднее, в хрущевско-брежневские времена, такое тоже делалось, и нередко, но экзаменаторы все же, как правило, старались соблюдать хоть какой-то декорум). Так рассеялись мои последние, и без того не Бог весть какие, иллюзии относительно справедливости советской системы.

[N.B. Однако же, есть и другое объяснение причин моего провала, и объективности ради следует об этом сказать. Оказывается, это была заслуженная месть русского народа за преступления некоторых евреев, совершенные еще до моего рождения. Один мой старый друг, некогда человек

² H.Branover. Return. - "Feldheim Publishers". Jer.-N.Y.. 1982. p.31

вполне демократических взглядов, а сейчас подавшийся в национал-патриоты, года три назад написал мне следующее (речь шла о евреях в окружении Ельцина, которых мой друг считал «отребьем»):

«Думают они, что сойдет, как полагали когда-то Троцкие-Луначарские и их многочисленные последователи: тупое русское быдло не понимает... мы его перевоспитаем... коммунизм это молодость мира... Пришел срок, и „быдло“ поступило со своими временными вождями известно как, а в 1952-м тебя не приняли на русские отделение филфака, явно засыпав на экзамене по литературе (отлично помню этот сюжет)»]

Конечно, моя история - сущая мелочь по сравнению с другими еврейскими бедами - например, теми, которые, по мнению советского сионолога Юрия Иванова, порождают «профессиональные стенания сионистов»³. Однако меня мало утешало то, что другие пострадали больше меня: разве мне обязательно нужно было побывать в Освенциме или ГУЛаге, чтобы радоваться, что меня всего лишь бьют по морде? То есть, следовать логике чеховского героя: «Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству»? Ибо я уже тогда понимал (не знаю, почему), что совершенная надо мной несправедливость объяснялась вовсе не личным юдофобством А.Г.Ходюка: будь он хоть сам Штрайхер, помноженный на Баркашова и возведенный в Макашова, он не посмел бы так себя вести, если бы это не поощрялось или даже не предписывалось сверху.

- Ну, ладно, - сказал я себе. - Сейчас кто я такой? Салага, недоросль мальчишка, которого никто не знает. Но потом, когда я чего-то достигну, докажу, что я что-то умею, разные Ходюки не посмеют топтать меня ногами.

Не прошло и года, как умер Сталин - и настали более травоядные времена (евреев иногда стали принимать даже в университет). Хотя и потом я не раз сталкивался с дискриминацией, я не буду здесь об этом рассказывать (как сказал Берия на похоронах Сталина, «кто не слеп, тот видит» - точнее, видел, а если сейчас притворяется, что не видел, то, значит, *не хотел* видеть).

Но вот прошло 20 лет. В 1972 году я работал в Ленинградском Политехническом институте преподавателем английского языка на почасовой оплате (то есть, без права на бюллетень и на отпуск): каждый год в мае меня увольняли и в сентябре нанимали снова. Естественно, я мечтал получить постоянное место и полную ставку. И вот весной 1972 года в институте был объявлен конкурс на замещение вакантной должности на кафедре иностранных языков. Здесь уже не требовалось сдавать экзамены: это был конкурс документов. Члены ученого совета, определявшие победителя на конкурсе, даже не видели претендентов - они видели лишь разного рода

³ Ю.Иванов. Осторожно: сионизм! - «Изд-во политической лит-ры», М., 1970, стр.27

бумаги, удостоверяющие трудовой стаж претендентов, их квалификацию, научные заслуги, и.т.п.

Итак, я подал документы для участия в конкурсе. Условия, поставленные мною самому себе 20 лет назад, были более или менее выполнены. У меня был 15-летний стаж работы - в том числе 8 лет работы вузовским преподавателем - в том числе 5 лет именно в этом институте. Список моих печатных трудов включал около 40 напечатанных переводов из английских и американских поэтов и прозаиков, а также около 20 литературно-критических статей по английской и американской литературе, в том числе обширные комментарии к «Антологии английской и американской поэзии», изданной на английском языке московским издательством «Прогресс».⁴ Я сдал т.н. «кандидатские экзамены», написал кандидатскую диссертацию, уже одобренную моим научным руководителем профессором Н.Я.Берковским, и напечатал пять статей на тему диссертации (для защиты требовалось всего две): то есть, я имел основания надеяться максимум через год стать кандидатом наук. В Политехническом институте я имел репутацию хорошего преподавателя, студенты меня любили, и моя заведующая секцией Н.Н.Сасс-Тисовская написала обо мне хороший отзыв. Так имел ли я право работать преподавателем на полной ставке? Ответ был: нет. Невзирая на все мои формальные достижения, ничего не изменилось. Я счел бы естественным, если бы мне предпочли седовласого ученого мужа с 30-летним преподавательским стажем и длинным списком научных работ. Однако среди претендентов такого не было, и мне предпочли молодую девушку, только что спрыгнувшую со студенческой скамьи - без какого бы то ни было стажа, без диссертации, без единого печатного труда (но зато с хорошим пятым пунктом и, возможно, с хорошими связями). Я должен признать, это была красивая девушка (позднее я имел случай с ней познакомиться), я против нее лично ничего не имею. Но, напоминая, это был конкурс документов, члены ученого совета ни меня, ни ее в глаза не видели. Возможно, она была научным гением. Но как они могли это узнать из ее документов?

Сам заведующий кафедрой иностранных языков Леонид Валентинович Банкевич поведал мне по секрету, в чем было дело. По его словам, на заседании ученого совета выступил представитель парткома, который объяснил, что евреи нежелательны именно на кафедре иностранных языков, ибо туда порой приходят иностранцы, а евреи - это не те люди, чьи контакты с иностранцами следует приветствовать. Итак, в отличие от 1952 года, кафедра иностранных языков теперь тоже стала «идеологическим фронтом», недоступным для «инвалида пятой группы». Тем более, что «процентная норма» была вполне выполнена: на этой кафедре уже были два еврея, и третий был лишней.

Будь я единственным человеком в таком положении, это могло бы объясняться моим невезением или личным юдофобством представителя парткома. Но Банкевич не открыл мне Америки: в Ленинграде было не перечислить евреев, которым «не везло» в

⁴ An Anthology of English and American Verse. -- "Progress Publishers", Moscow 1972

обстоятельствах, не оставлявших сомнений в том, что причина этого невезения - их пятый пункт. Например, мне рассказали о таком случае: в моем Политехническом институте шло заседание комиссии по распределению на работу студентов-выпускников; на заседании, среди прочих, сидели директора заводов, которым были позарез нужны инженеры. И вот собравшимся представили студентку-отличницу по фамилии, допустим, Гуревич. Ни один директор не подал голоса. Когда фамилию этой студентки безуспешно провозгласили в третий или четвертый раз, ее декан возопил: «Да она - по мужу Гуревич, по рождению она - Иванова». Тут один из директоров громко сказал: «Дура: не могла девичью фамилию оставить!» - и взял ее на работу.

Таких случаев были тысячи. И это происходило в те самые дни, когда «дрессированные евреи» из Антисионистского комитета, вроде Драгунского и Дымшица, надрывались на телевизионной пресс-конференции, доказывая, что евреи в Советском Союзе абсолютно равны - и, как сказано у Оруэлла, даже «более равны», чем остальные граждане.

Конкурс в Политехническом институте был для меня своего рода тестом для решения вопроса «ехать - не ехать?». Всю жизнь я был (и остаюсь) совершенно ассимилированным русским евреем. Меня не заботило то, что в России не было еврейских школ и еврейских театров; я не интересовался ни сионизмом, ни еврейскими традициями, не владел ни идишем, ни ивритом, ничего не знал об иудаизме и еврейских обычаях, и когда в одном из переводимых мною стихотворений Ленгстона Хьюза мне встретилось слово «Йом-Кипур», я вынужден был полезть в энциклопедию, чтобы узнать, что это такое. Правда, Шолом-Алейхема я, каюсь, читал, но ведь хотя я читал, например, и Виктора Гюго, это не делает меня французом (и, кстати, Гюго был мне душевно и культурно ближе, чем Шолом-Алейхем). Всю жизнь я пытался доказать себе и другим, что я ничем не отличаюсь от среднего русского интеллигента. Но, как гласит

еврейская поговорка, «если ты забудешь, что ты еврей, гой тебе об этом напомнит». Как сказано в стихотворении Виктора Шендеровича:

«С чего начинается Родина?
С того, что напомнят тебе,
Что ты иностранец, юродивый
В здоровой российской семье.»

Мне об этом столько раз напоминали, что наконец убедили, и я сказал себе: «Что ж! Вы не верите, что я такой же русский, как вы. Ладно: будем играть на вашем поле. По-вашему, я не русский - так не сетуйте, что я хочу быть евреем.»

И я начал читать всё, что мог, о еврействе и об Израиле. В Публичной библиотеке почти все книги на эту тему были упрятаны в спецхран, но и в доступных фондах я нашел на русском и английском языках на удивление много полезного материала (создатели спецхрана, знать, не достарались). Вдобавок, мне удалось достать ходившие по рукам книги на английском языке «Щит Давида: история израильской

армии» Игала Аллона (позднее, уже в Израиле, мне довелось перевести эту книгу на русский язык⁵) и «Шесть дней в июне» Роберта Донована. И я решил попытаться эмигрировать в Израиль.

Позднее, уже в Израиле, мне попал в руки номер «Литературной газеты», которая сетовала, что в 1973 году из СССР в Израиль выехало 35 тысяч евреев (я был в их числе), отказавшихся «от права на труд, на отдых, на обеспеченную старость, на активное участие в политической, экономической и культурной жизни». И почему, по мнению газеты, они от этих благ отказались? Потому что слушали то, «что нашептывали около синагоги, писали в письмах, обещали в различных радиопередачах»⁶. Это же курам на смех: в руках советской власти были тысячи газет, журналов, издательств, радиостанций, телестудий, откуда правдивейшая в мире пропаганда изливалась на нас ниагарами, а тут человек услышал шепоток у синагоги, прочел письмо из Израиля или, раз в кои веки включив приемник, сквозь треск глушилок услышал передачу лживого израильского радио - и сразу всему поверил! Видно, очень уж не доверяли советские граждане своей пропаганде (в том числе и нашей милой «Литературной газете»), если чей-то шепоток и еле слышные зарубежные радиопередачи были громче поющей в унисон советской агитационной капеллы.

«Литературная газета» обвиняла израильское радио в том, что оно оказывало на советских евреев вредное сионистское влияние. Она ошибалась. Израильское радио было бы бессильно без помощи советских властей. Их политика была лучшим средством еврейского воспитания и самым мощным орудием сионистской пропаганды.

2. ЕХАТЬ - НЕ ЕХАТЬ?

Мир - это книга, в которой читатель не пошел дальше первой страницы, если видел только свою страну.

Фужере де Монброн

Эта цитата гордо красуется во многих советских изданиях произведений лорда Байрона, который взял ее эпиграфом к своему «Чайльд-Гарольду», и ее сочувственно цитируют байронисты. Однако, как сказано в Писании, «Не всякий, говорящий мне: „Господи! Господи!“, войдет в Царство Небесное».⁷

Еще со школьных лет я помирал хотел съездить за границу. Почему нет? Будучи западником по профессии, я переводил и читал книги о других странах, и мне страх хотелось на них посмотреть. Но, в отличие от прочих стран, в СССР поездка за границу была не правом, а подарком государства, наградой за верную службу. Должно быть, я служил недостаточно ревностно. Я несколько раз попробовал поехать - туристом или на работу - в Польшу и в Венгрию (о капиталистических странах я даже и не мечтал), но получил от ворот поворот.

⁵ Игал Аллон. Щит Давида. - «Библиотека-Алия», Иерусалим, 1985

⁶ «Литературная газета», 11 февраля 1976 г.

⁷ Евангелие от Матфея, гл. 7, ст.21

Так продолжалось до тех пор, пока вдруг не появилась возможность уехать в страну, которую советский сионист Ф.Колчан назвал «Государство-притон»⁸ (интересно, что он сейчас думает о собственном государстве?)

До поры до времени я, как и большинство советских людей, считал, что возможность легальной эмиграции - это утопия. Давно ли желание покинуть Советский Союз было равносильно измене? (В 1946 году выдающаяся переводчица Т.Г.Гнедич получила тюремный срок, как было сказано в обвинительном заключении, «за измену Родине через намерение ее покинуть».⁹) Но вот в тучах начал появляться какой-то просвет. 3 декабря 1966 года Косыгин в Париже вдруг сказал, что возможен выезд из Советского Союза «для воссоединения семей» (все мы, конечно, сочли это заявление Косыгина обычным пропагандистским лицемерием), а год спустя в Нью-Йорке он открытым текстом заявил, что люди, желающие выехать к родственникам в Израиль, могут это сделать. Затем, в марте 1968 года, евреев выгнали из «братской» Польши, и газета «Правда» напечатала речь Гомулки, обосновывающую эту меру. Мы шутили: «Вот бы Брежневу взять пример с Гомулки!», мало надеясь, что Брежнев нас послушается. Как ни парадоксально, так же думали и иные партийные боссы, которые, по слухам, одобряли «разумные меры польских товарищей». И появились кое-какие странные признаки, что Брежнев, глядишь, последует-таки примеру Гомулки. 22 января 1969 года Верховный Совет СССР ратифицировал Международную Конвенцию о ликвидации расовой дискриминации и Ковенант о гражданских и политических правах, (оба эти документа включали пункт о праве людей на эмиграцию из своей страны). Некоторые более смелые евреи (я, увы, был не из их числа) стали выдумывать себе родственников в Израиле и подавать заявления о желании воссоединиться с ними. Любопытно, что подлинность этих родственных отношений ОВИРы никак не проверяли. Вроде бы, инспекторов ОВИРа совсем не удивляло, что порой человек едет в Израиль к троюродному дяде, оставляя в СССР родителей, сестер и братьев. Я думаю, что сперва советские правители были даже рады избавиться от «кучки диссидентов и сионистов, одураченных израильской пропагандой» (кое-каких особо нежелательных личностей даже *вынуждали* уехать - например, Аллу Русинек в 1970 году). Возможно, власти считали, что евреи - это генетически воплощенный дух крамолы, и если такие смутьяны уедут, они перестанут заражать честных советских людей своими антисоветскими идеями - и в стране будет тишь да гладь да божья благодать (как известно, брожение в стране, и не только среди евреев, в то время уже росло, как на дрожжах). Должно быть, власти и не представляли себе, как много людей захочет эмигрировать: ведь советская пропаганда твердила *urbi et orbi*,¹⁰ что евреи в СССР свободны, как птицы, и никуда уезжать не хотят, и наши правители уверовали в свою

⁸ Ф.Колчан. Эта всеильная израильская мафия. -- «Человек и закон», 1981, №2, стр.107

⁹ Цит. по: В.Бетаки. Русская поэзия за 30 лет: 1956-1986. - "Antiquary", Orange, Conn., 1987, стр.261

¹⁰ городу и миру (лат.)

же ложь, как Пигмалион влюбился в свою скульптуру. Лишь сионисты мутят чистую воду, так пусть и убираются к чёрту (точнее, в Израиль, что одно и то же). Как могли советские вожди, убаюканные собственной колыбельной, представить, что тысячи советских граждан добровольно отвергнут социалистический рай и предпочтут сионистский ад?

Другой стороной монеты было то, что советские евреи, ободрённые победой Израиля в Шестидневной войне и донятые дискриминацией, стали требовать, чтобы Верховный Совет и Косыгин выполнили то, что заявляли. Как всегда бывает, когда нет информации, агентство ОБС («Одна Баба Сказала») работало вовсю: рассказывали о тех или иных евреях, которые подали заявления о своем желании уехать и, получив отказ, устраивали демонстрации перед ОВИРаами, посылали письма в органы власти и за границу, и т.д. Их увольняли с работы, нередко избивали, порой сажали, а они не унимались. Репрессии лишь стимулировали «подаванство»: ведь тот, кому отказали в возможности уехать, сразу же становился парией, лишался заработка, и ему ничего не оставалось, как подавать заявления снова и снова, участвовать в демонстрациях, связываться с заграницей (а на Западе тоже появились активисты борьбы за право советских евреев на эмиграцию - такие, как калифорнийский журналист Сай Фрумкин, коннектикутская лингвистка Айрини Керк, британские парламентарии Эрик Мунман и лорд Дженнер, оксфордский историк Мартин Гилберт и другие; даже такие далекие от еврейских проблем люди, как Мартин Лютер Кинг, или лидер бельгийских социалистов Анри Симоне, или писатель Роберт Пенн Уоррен призвали советское правительство отпустить евреев в Израиль).

Сперва Москва и Ленинград отнюдь не были центрами еврейской активности (первыми массово поехали евреи Кишинева, Вильнюса, Риги, Бухары). Однако со временем и ленинградцы стали подумывать о выезде. Помню, в 1969 году один мой приятель заявил, что он уедет в Израиль, даже если ему там придется работать дворником; и когда я сказал, что колеблюсь, он назвал меня трусом. Кстати, он так и не уехал. Это не упрек: чтобы эмигрировать, нужно для этого «созреть». Подобно вопросу «Следует ли мне жениться?», вопрос «Следует ли мне эмигрировать?» в самом себе содержит отрицательный ответ.

Несмотря на свою ассимилированность, я, как, кстати, и многие стопроцентные русские, симпатизировал Израилю (одних лишь газетно-журнальных проклятий в его адрес было для этого более чем достаточно, ибо без свободы похвалы никакая ругань не может быть слишком оскорбительной), но особого тяготения к Израилю я не питал: будь у меня выбор куда-то поехать (на время или навсегда), я предпочел бы Западную Европу или Америку. Но у меня выбора не было: из СССР начали отпускать только евреев и только в Израиль.

[Н.В. *Это, кстати, породило жалобы на дискриминацию русских. Уже в наши дни один историк, вспоминая те времена, сетует: «Но зададимся простейшим*

вопросом: если у меня и у моего соседа Рабиновича условия жизни здесь по разным причинам неблагоприятны, он может уехать в США, Канаду, Австралию - куда угодно... Про Израиль уже не говорим. Но ведь я и мой сосед Петров этого права лишены. За кем же преимущество?»¹¹ Интересно, жаловался ли этот историк в 50-е годы на преимущество, которое тогда предоставлялось русским, в то время как евреев, например, напрочь не принимали в Ленинградский университет, который

историк в 1956 году благополучно окончил?} А вообще-то, мне было все равно, куда ехать. Важно было то, что Израиль – свободная страна, которая своих граждан не держит под замком. Если бы, скажем, брюнетов стали отпускать в Новую Зеландию, я бы поехал туда.

Обвиняя меня в трусости, мой приятель был, наверно, прав. Хоть я давно хотел попасть за границу, но теперь, когда это стало возможно, я, как пушкинский жид, «жался да кряхтел». Еще Чернышевский обвинял русскую интеллигенцию в том, что, при всей радикальности ее *речей*, у нее не хватает духу для *действий*. И евреи, обычно везде склонные к мимикрии, видимо, переняли и эту русскую черту. Мой друг Виталий Захаров, узнав, что я собираюсь эмигрировать, сказал мне, что я сделаю большую ошибку. Он объяснил:

- Преимущество нашей страны для нас - в том, что мы ее *знаем*. Мы знаем, как здесь обходить препятствия. Жить в другой стране нам было бы хуже: ведь, мы не умеем обходить *тамошние* препятствия, которые там иные, чем здесь.

Верно, я знал свою страну, но очень уж мне надоело обходить несправедливые препятствия. Конечно, никто не уезжал с легким сердцем. В России принято говорить о «родных березах», но «березы» у каждого свои. Моими «березами» были *люди* - друзья и подруги. Помню, как перед отъездом я приехал в Петрозаводск попрощаться с моими тамошними друзьями - и как мне было тошно при мысли, что, наверно, я больше их никогда не увижу.

Итак, и мне уехать было нелегко: и во мне сидела та нерешительность, о которой писал Чернышевский. Но, повторяю, советская власть была лучшим пропагандистом и агитатором сионизма. Конкурс в Политехническом институте добавил сионистского масла в мой антисоветский огонь. Вдобавок, заведующий кафедрой зарубежной литературы в Институте имени Герцена профессор А.Л.Григорьев сказал мне, что защиту моей диссертации - по какой-то надуманной причине - нужно будет отложить на год-два. А где год-два, там и три-четыре. Значит, было весьма вероятно, что не только постоянной работы я не получу, но и защититься мне не дадут. А кто их знает, что они еще придумают? Сколько же можно, как сказал Гамлет, «терпеть удары и щелчки?»

В течение 1971-1972 года в Израиль уехало несколько моих знакомых. И я наконец решился. Но мой отъезд тормозили два препятствия. Во-первых, я был женат, и моя

11 С.Семанов. Андропов: 7 тайн генсека с Лубянки. Изд-во «Вече», М.,2001, стр. 135

жена, русская по пятому пункту, не хотела эмигрировать, а ОВИР не принимал заявлений от людей, состоящих в браке, если они собирались ехать одни, без своих благоверных. Значит, прежде чем подать заявление, мне нужно было развестись. Вторых, ожидалась публикация вышеупомянутой книги «Антология английской и американской поэзии» на английском языке, которую я подготовил вместе с двумя другими литераторами: В.В.Захаровым и Б.Б.Томашевским (и мне принадлежали добрые две трети комментариев к этой книге). В Советском Союзе существовало твердое правило: имя человека, который имел и потерял советскую прописку, не могло появиться в печати. Даже Симона Маркиша, женившегося на венгерке и уехавшего в «братскую» Венгрию, сразу же перестали печатать в Москве. Если бы я подал заявление в ОВИР до выхода нашей антологии, она не могла бы выйти в свет, и не только мой труд, но и труд двух моих соавторов пропал бы даром. Я, конечно, не мог их так подвести и должен был ждать выхода этой книги. Вдобавок, и ожидаемый мною за книгу гонорар тоже мне бы не помешал: ведь процесс выезда обходился в копейку.

Наконец, в начале лета 1972 года «Антология» вышла в свет, я получил гонорар, а вскоре и оформил развод, и, казалось бы, всё было на мази.

[N.V. Следует сразу оговорить, что моя жена, Светлана Васильевна Мелихова, хотя она и не хотела со мной ехать и не одобряла моих эмиграционных замыслов, не только ни в малейшей степени не пыталась ставить мне палки в колеса, но помогала мне, как могла, и в течение всех моих предотъездных месяцев вела себя, как герцогиня.]

И тут вдруг в августе 1972 года, как гром с ясного неба, вышел указ о том, что советские граждане с высшим образованием, желающие выехать на постоянное жительство в Израиль, должны заплатить за свое обучение в вузе. Давность этого обучения никак не учитывалась: платить должны были все поголовно - от недавних выпускников до пенсионеров. Суммы были чудовищные - они варьировались лишь в зависимости от учебного заведения, которое человек окончил. В годы, когда, по официальным данным, оглашенным на XXIV съезде КПСС, средняя зарплата рабочих и служащих составляла 120 рублей в месяц,¹² «выезжант», окончивший Ленинградский университет, должен был заплатить, кажется, 8 тысяч рублей, а Московский университет - целых 12 тысяч. *[N.V. Один мой приятель, чистокровный русский, не собиравшийся никуда уезжать, выпускник Ленинградского университета, возмущался: «Как так? Почему мое образование ценится ниже московского?»]* Мой плёвый Пединститут оценивался скромнее: «всего» в 6 800 рублей (я зарабатывал, с учетом гонораров, в среднем не больше 150 рублей в месяц). Кроме того, мне предстояло заплатить 400 рублей за заграничный паспорт, 500 рублей за отказ от советского гражданства, 132 рубля за билет на самолет до Вены и еще кучу денег за

¹² А.Н.Косыгин. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР за 1971-1975 годы.. - «Изд-во политической лит-ры», М., 1971, стр.5

многое (за нотариальное заверение и легализацию копий документов, за отправку багажа, и разные прочие поборы, не помню уж точно, какие); и на что-то нужно было жить; и я хотел еще сколько-то денег оставить Светлане. Значит, я должен был не мытьем, так катаньем где-то добыть около 8 тысяч рублей (мой общий заработок более, чем за 4 года).

3. ПОДГОТОВКА

Закон – на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь дороги,
Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги!
Но что ж? Напрасный труд! Никто назад нейдет!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал, тот вниз проскочит,
А кто велик – перешагнет!

В. А. Жуковский

Моим первым побуждением было отказаться от идеи выезда: я понимал, что 8 тысяч рублей мне нипочем не набрать. Однако сразу же поползли слухи, что то ли израильские власти, то ли заграничные евреи готовы помочь. Кроме того, «Голос Израиля» сообщил, что в Израиле Сохнут (Еврейское Агентство по иммиграции в Израиль) возвращает иммигрантам, заплатившим за высшее образование, эту сумму из расчета по 1 лире за 1 рубль (нужно лишь вывезти фотокопию квитанции за оплату этих денег). А в России были евреи, у которых имелись немалые сбережения (часто подпольные): для них этот налог на образование был манной небесной - способом *вывезти* свои деньги: скажем, богат Рабинович дает бедняку Гуревичу 6 тысяч рублей, оба выезжают в Израиль, и там Гуревич получает в Сохнуте 6 тысяч лир и отдаёт их Рабиновичу. Конечно, 6 тысяч лир в Израиле были куда меньшими деньгами, чем 6 тысяч рублей в России, но с паршивой овцы - хоть шерсти клок. За 6 тысяч лир в Израиле тогда можно было купить поддержанную машину. Словом, мое решение отказаться от идеи выезда испарилось, едва успев возникнуть. Более того, я понял, что в каком-то смысле налог на образование не затруднил, а *облегчил* выезд, ибо, введя этот налог, власти как бы легализовали эмиграцию: когда лавочник просит денег, он дает товар. И нужно было торопиться, пока правительство не воздвигло на пути у отъезжающих новые барьеры.

Был (и есть) у меня друг - поэт и переводчик Василий Павлович Бетаки. Когда в конце 1971 года я заикнулся ему и его жене, что я задумал эмигрировать, они накинулись на меня, кричали, что я дурак, говорили что-то про «родные березы» и про то, что, эмигрировав, я кончусь как русский литератор. А в мае 1972 года они получили вызов из Израиля и в начале осени подали заявление раньше меня (Бетаки - не еврей:

если судить по тем критериям, по которым я - еврей, его можно было бы считать греком; но он ехал «по жене», Виолетте Исааковне Хамармер: как шутили тогда в России, «еврейская жена это не роскошь, а средство передвижения»). Когда в сентябре, перед самой его подачей, я спросил его, откуда он думает взять деньги, чтобы уплатить свой налог на образование, он ответил, как диккенсовский мистер Микобер:

— А, что-нибудь подвернется. Кто-то поможет: либо израильское правительство, либо Сохнут, либо богатые американские евреи. Короче, я скоро иду в Союз Писателей просить характеристику для выезда.

Как ни странно, каждый выезжающий должен был, среди прочих документов, требуемых для ОВИРа, получить характеристику с последнего места работы. Сущность этой характеристики не имела значения: там могло быть написано, что характеризуемый - научный гений или, наоборот, невежда и лодырь, но какую-то характеристику нужно было получить. Видимо, это требовалось для того, чтобы потенциальный эмигрант «отметился» у себя на работе, и его можно было уволить. Бетаки, будучи членом Союза Писателей, ни в каком учреждении не служил; я же, работая внештатно в Политехническом институте, одновременно был членом так называемой «профгруппы» (это был как бы «предбанник» при Союзе Писателей: в «профгруппе» состояли литераторы, достаточно часто печатающиеся, но пока еще не принятые в Союз).

Бетаки был для меня героем: как выпускник Московского Литературного института (вуз «творческих работников») он должен был заплатить за свое образование аж 10 тысяч рублей, а его жена, окончившая Театральный институт, - 9 600 рублей. Их пример меня немало ободрил: по сравнению с тем, что требовалось от них, мои 8 тысяч казались сущей чепухой. Вообще-то, понять логику советской власти было совершенно невозможно. В ноябре группе людей вдруг разрешили отбыть, не уплатив за образование, и они улетели в том же самолете, в котором сидели люди, полностью уплатившие. То же, говорят, произошло в Москве, где без уплаты за образование был почему-то отпущен в Израиль журналист Виктор Перельман, впоследствии ставший редактором эмигрантского журнала «Время и мы». Уроженец Риги Ю.М.Индорский окончил университет еще в буржуазной Латвии, где он, конечно, заплатил за свое образование (по крайней мере, не советская власть тогда за него платила), - и, тем не менее, от него потребовали полной уплаты, как от всех.

Супруги Бетаки подали заявление в середине октября и получили разрешение смехотворно быстро - через месяц с небольшим. После этого им пришлось ждать несколько месяцев, ожидая, пока «что-то подвернется» и они найдут деньги, чтобы заплатить за свое образование. Хотя Бетаки получил откуда-то (кажется, от Сохнута) финансовую помощь в размере 500 долларов и еще две промтоварные посылки из Дании (должно быть, от еврейских благотворительных организаций), 20 тысяч за образование он, конечно, уплатить не мог, и он выехал лишь весной 1973 года, когда

налог на образование был отменен. Попав в Вену, он отказался ехать в Израиль и позднее поселился в Париже, где живет и по сей день.

Итак, вдохновленный примером Бетаки, я начал свой бег с препятствиями в Израиль. В начале сентября я получил вызов из Израиля - от какого-то неизвестного мне человека по имени Хагит Бегин, которого я впоследствии для ОВИРа, придумав очень замысловатую версию, превратил в своего родного брата (уже приехав в Израиль, я узнал, что Хагит - это женское имя). Впрочем, инспекторы ОВИРа отлично понимали, что большинство этих родственников – сплошная туфта, и на мои хитросплетения никто не обратил внимания.

После того, как я развелся со Светланой, я был готов начать свой, по выражению Генриха IV, «большой прыжок» - то есть, сжечь за собой мосты, открыто объявив о своем желании эмигрировать в Израиль.

Первым делом «подаванец» должен был получить характеристику и пройти обсуждение на месте своей работы. Я мог сделать это либо в Политехническом институте, либо в профгруппе Союза писателей. Я избрал последнее, чтобы не подводить Сасс-Тисовскую, которая написала обо мне отличный отзыв, когда я в Политехническом институте подавал на конкурс (из-за того, что ее подчиненный решил эмигрировать, у нее могли быть неприятности). Характеристику должны были подписать директор учреждения (то есть, в моем случае - председатель правления ленинградской писательской организации), глава месткома и секретарь парткома (независимо от того, был ли данный «подаванец» членом Партии или нет; я им не был). Я начал с того, что отправился к секретарю парткома видному переводчику Юрию Борисовичу Корнееву, с которым я был давно знаком и который, как мне казалось, хорошо ко мне относился. Прочитав мое заявление с просьбой о характеристике для выезда в Израиль, Юрий Борисович посмотрел на меня лукаво и сказал:

-Возможно, Георгий Евсеевич, вы приняли решение сгоряча. Так вот: я положу ваше заявление в этот ящик, и если вы через несколько дней придете ко мне и попросите его обратно, я верну вам его, и никто об этом не узнает.

-Юрий Борисович, - ответил я, - неужели вы думаете, что прежде чем принять такое серьезное решение, я не думал достаточно долго? Несколько дней ничего не изменят.

– Ну, что ж, - сказал он, - если так, я дам делу ход. Позвоните мне через два или три дня, и я вам скажу, когда мы устроим ваше обсуждение.

Часто получение характеристики занимало немало времени - вплоть до нескольких недель. Где-то в начальственных кулуарах обсуждался и составлялся ее текст, затем назначалась дата собрания сотрудников, которые публично клеймили подателя заявления, затем текст характеристики обсуждался еще где-то в кулуарах и подписывался всеми официальными лицами, и наконец «подаванец» получал ее на руки. У меня (возможно, благодаря Корнееву) этот процесс продолжался очень недолго.

Через несколько дней после моего визита к Корнееву состоялось заседание с обсуждением моего поведения. Не знаю уж, почему, но, в отличие от того, как обычно делалось, это не было *массовое* собрание. Присутствовала лишь кучка людей: члены бюро профгруппы (да и то, кажется, не все), некоторые из рядовых членов профгруппы да несколько случайных посетителей, почему-то оказавшихся в тот день в Доме Писателей. Умные люди заметили, что на таких собраниях обычно задаются одни и те же вопросы, причем иногда даже в одном и том же порядке (должно быть, какие-то, по выражению Сухово-Кобылина, *начальства и силы* заранее определяли характер и даже порядок этих вопросов). Сначала меня спросили, почему я решил уехать в Израиль, и я что-то промямлил насчет своего брата. Я готовился к тому, что мне будут задавать заранее известные мне каверзные вопросы и обдумывал, как мне на них отвечать, призвав на помощь всю свою эрудицию и слабое остроумие (отвечать на такие вопросы серьезно было все равно, что метать бисер известно перед кем). Но ведущий заседание председатель месткома Серобабин не только не давал наиболее глупым вопросам ходу, но иногда даже сам отвечал вместо меня. Так, когда одна дама осведомилась, был ли я комсомольцем, и когда я ответил отрицательно, она сперва смутилась, но тут же нашлась и спросила:

- А пионером?

На что Серобабин отреагировал:

- Ну, что вы, товарищи, задаете такие детские вопросы?

Какой-то старпер спросил, почему я решил уехать в Израиль - не потому ли, что я бывал жертвой антисемитизма. Я ответил, что нет. Он был разочарован и повторил свой вопрос. Я снова ответил, что нет, лишив его возможности произнести патриотический спич. Серобабин вмешался и сказал:

- Георгий Евсеевич уже ответил на этот вопрос, зачем же задавать его снова?

После еще нескольких совершенно беззубых вопросов (я был даже разочарован тем, что не смог блеснуть остроумием) была вслух зачитана моя характеристика (к моему удивлению, очень благожелательная). На этом обсуждение закончилось. Не было никаких обличительных речей; представитель Партии Корнеев сидел, набрав в рот воды. Когда Серобабин объявил заседание закрытым, Корнеев при всех подошел ко мне и громко сказал:

- Георгий Евсеевич, как вы знаете, я не одобряю вашего решения, но раз уж вы его приняли, то я желаю вам благополучного устройства на новом месте.

И он пожал мне руку. После этого он тут же подписал характеристику, за ним ее подписал Серобабин. Оказалось, что она уже заранее была подписана председателем правления ленинградской писательской организации (не помню, кто им тогда был), и я немедленно получил ее на руки. Так что моя «гражданская казнь» окончилась быстро и более чем благополучно.

[N.B. *Надо отметить, что не всем так везло. Многих пытались «подловить». Одна женщина, русская по паспорту, всё валила на своего еврейского мужа: мол, он хочет ехать, а я его люблю и не хочу его бросать. Тогда ее впритык спросили, какова была ее позиция, когда муж впервые сообщил ей о своем желании уехать в Израиль, на что она ответила:*

- Дело в том, что впервые мой муж сообщил мне об этом в постели, и какова в то время была моя позиция, мне здесь говорить неудобно.

И собравшиеся расхохотались: ведь хорошая шутка - это оружие, против которого нечем сражаться.

Мою знакомую, Лену Гольдштейн, на собрании, посвященном обсуждению ее непатриотического поступка, спросили, как может она, советская гражданка, ехать в такое реакционное и агрессивное государство, как Израиль. На это Лена, пародируя всем известные слова Сталина, сказанные во время Великой Отечественной войны о немцах, ответила:

- Мы никогда не приравнивали народы к их правительствам. Голды Меир приходят и уходят, а еврейский народ остаётся.]

Казалось бы, после хотя бы немногих подобных афронтов властям давно пора было прекратить такие собрания, на которых те, кого клеймили, часто оказывались умнее и остроумнее тех, кто их клеймил. Но ведь, как известно, жизненный опыт учит нас лишь тому, что он никогда никого ничему не учит.

После получения характеристики, мне предстояло добыть еще и другие документы: например, справку о прописке из жилконторы и свидетельство моей жены, что она не имеет ко мне финансовых претензий. Имей я родителей, я должен был бы представить и разрешение от них, но их уже не было в живых. Справку о прописке из жилконторы я получил легче легкого: председательница жилконторы, простая русская женщина, выдавая мне справку, сказала:

- Уезжаешь? И правильно делаешь! Хоть поживешь по-человечески, вместо того, чтобы мучиться, как мы все тут мучаемся.

Казалось бы, со свидетельством Светланы, которая действительно уже смирилась с моим будущим отъездом, проблем не будет. Но не тут-то было. Я напечатал на машинке текст: «Я, такая-то, не имею финансовых претензий к моему бывшему мужу, такому-то, уезжающему на постоянное жительство в Израиль»; подпись Светланы под этим текстом должен был заверить нотариус. Но нотариус отказался заверить подпись на том основании, что в списке документов, подлежащих заверению, нет документа подобного рода. Другой и третий нотариус тоже отказались по той же причине. Если бы я не представил этой справки, я должен был бы заплатить в банк общую сумму алиментов, полагавшихся моей 14-летней дочери вплоть до ее 18-летия, и эти деньги выдавались бы моей жене ежемесячными порциями. Наконец четвертый нотариус заверил эту бумагу. Не знаю, был ли он в меньшей степени бюрократом, чем

предыдущие, или просто разумным человеком. Кстати, он был явно русским, тогда как первый и второй нотариусы, судя по фамилиям, были явные евреи (понятно: они больше боялись упрека в том, что они «пособничают своим»).

Получив эту бумагу и почувствовав себя Колумбом, которому разрешили плыть и открывать Новый Свет, я отправился в ОВИР. Меня приняла инспектор Петрова - бесцветная женщина, говорившая таким тоном, каким докладчик читает на собрании чужой текст речи, с которым он раньше даже не ознакомился. Она тщательно просмотрела все мои бумаги (анкету, характеристику, справки), сверяя данные в анкете с данными в моем паспорте. Дойдя в анкете до слов «Национальность - еврей», она взглянула в мой паспорт и в анкете подчеркнула слово «еврей». Так, впервые в жизни, мой пятый пункт стал моей привилегией, а не изъяном. Как говорится, опять евреям повезло!

[N.B. *Здесь я цитирую старый анекдот. Стоит очередь за мясом. Выходит директор магазина и сообщает: «Товарищи, мяса привезут мало. Евреев просят не стоять». Часть очереди уходит, большинство остаётся. Через час директор выходит снова и говорит: «Мяса привезут еще меньше, чем ожидалось. Беспартийных просят не стоять». Опять часть очереди уходит, остальные остаются. Еще через час директор снова выходит и говорит: «Мяса совсем не привезут». Очередь расходится, ворча: «Опять евреям повезло!»]*

Однако Светланина справка не удовлетворила Петрову. Она тщательно ее обнюхала и отказалась принять мои документы. Вместо этого она предложила мне подписать обязательство заранее заплатить все алименты, полагающиеся до 18-летия моей дочери, если я получу разрешение уехать.

Я пытался протестовать, но без толку. С таким же успехом я мог бы убеждать пепельницу у нее на столе. Петрова была непреклонна, как коммунист на расстреле. Она не сердилась, она говорила спокойно, она лишь однозвучно повторяла снова и снова, что Светланина справка ее не устраивает и я должен подписать обязательство.

- Мы не требуем от вас никаких денег, – говорила она. - Никто не заставляет вас ехать в Израиль. Оставайтесь дома и не платите ничего.

Это было легче сказать, чем сделать: ведь я уже сжег за собой мосты. Я отправился в юридическую консультацию. Там я спросил юриста, имеет ли кто-нибудь, кроме моей жены, право требовать у меня алиментов. Он убедительно объяснил, что никто в мире такого права не имеет. Тогда я рассказал ему, в чем суть дела. Но, едва услышав слово «Израиль», он помрачнел, как ленинградское небо, и начал столь же убедительно доказывать, что именно ОВИР *имеет* такое право, ибо у Советского Союза нет юридического договора с Израилем, и мне следует подписать обязательство, которого требует Петрова.

Я пошел в книжный магазин и купил «Кодекс законов о браке, семье и опеке». В нем я нашел параграф, гласящий, что только лицо, ответственное за ребенка (то есть, в

моем случае Светлана) имеет права требовать от кого-либо из родителей ребенка каких-либо денег (к счастью, печатное слово не поспевает за устным, и советские юристы еще не успели выпустить новый кодекс, специально приспособленный для евреев, уезжающих в Израиль). С кодексом в руках я вернулся в ОВИР и пошел уже не к Петровой, а к директору ОВИРа Бокову; и, тыкая пальцем в кодекс, я добился компромисса: мне было разрешено воспользоваться Светланиной справкой, если туда будут добавлены слова о том, что Светлана не имеет ко мне финансовых претензий «по вопросу о воспитании нашей дочери до ее совершеннолетия».

Казалось бы, это была победа, но это была Пиррова победа. Нотариус, раньше спокойно заверивший нашу первоначальную бумагу, отказался заверить ее в дополненном варианте.

- Видите ли, - объяснил он мне, - ваша бывшая жена может отказаться от своих *личных* финансовых претензий к вам, как она сделала в предыдущем документе, но она не может отказаться от претензий к вам от имени вашего ребенка. Заверить такую справку было бы противозаконно. Если например, Боже упаси, Ваша жена умрет, а ребенок останется, скажем, с ее сестрой, последняя может потребовать уплаты алиментов от отца - то есть, от вас, а вы к тому времени будете уже в Израиле. Я не могу заверить эту справку. Наш долг - заботиться прежде всего об интересах ребенка.

Это была квадратура порочного круга. Я уже был готов подписать обязательство, которое требовала Петрова, а там - будь что будет: Бог не выдаст, свинья не съест. К счастью, сам нотариус подсказал мне выход из положения. Оказалось, что, по закону, заверить официальную бумагу имеет право не только нотариус, но и жилконтора. Светлана (я до сих пор удивлен ее долготерпением: она могла бы давно послать меня подальше, вместо того, чтобы покорно бегать от одного нотариуса к другому) пошла в жилконтору к той же самой доброй женщине, которая раньше выдала мне справку о прописке; и эта женщина, видимо, не больно искушенная в юридической казуистике, заверила дополненную справку, не моргнув глазом. Затем я пошел в банк, заплатил 40 рублей гербового сбора и явился в ОВИР к Петровой, где сослался на компромисс, достигнутый мною с Боковым. И Петрова, хоть и явно разочарованная, но, впервые проявив какую-то видимость эмоций, приняла наконец мои документы. Это было 1 декабря 1972 года.

Неделю спустя другая инспекторша ОВИРа, некая Писковецкая, позвонила по телефону Светлане и попыталась убедить ее придти в ОВИР и забрать свою справку, намекнув, что если она это сделает, я буду вынужден заплатить ей дополнительные деньги, и Светлана получит двойную сумму (должно быть, Писковецкая знать не знала, что никаких денег я к тому времени Светлане не заплатил). Естественно, Светлана отказалась.

Итак, мои документы, сданные в ОВИР, пошли в дело. Мне оставалось лишь ждать ответа – либо разрешения уехать, либо отказа.

4. БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Чем ночь темнее, тем скорей рассвет.
Генри Уодсуорт Лонгфелло

Как я уже говорил, советский гражданин, заявивший о своем желании эмигрировать в капиталистическую страну (да и не только в капиталистическую, как показывает вышеупомянутый пример Симона Маркиша), сразу же становился изгоем. Все смотрели на него с подозрением, никакой советский чиновник ни в каком споре никогда не мог стать на его сторону, и, что бы ни случилось, он всегда был виноват. Поэтому такому гражданину советовали не вступать ни с кем публично в ссору, переходить перекрестки только на зеленый свет, никогда не конфликтовать с милицией, не заводить шашни ни с какими посторонними женщинами и, пуще всего, не появляться в общественных местах, хоть сколько-нибудь заложив за галстук, ибо такой человек мог быть арестован по любому поводу или даже без одного (а в глазах советской милиции пьяный, даже если он и не собирался никуда эмигрировать, и вообще всегда был виноват, даже когда он был прав). Честно говоря, я далеко не всегда следовал этому правилу: я переходил перекрестки на красный свет, я выходил на улицу после пооек, я заводил шашни с женщинами, и ничего со мной не случилось. Но некоторым не так везло. Например, молодой ленинградский «подаванец» Элик Явор получил тюремный срок за то, что, выйдя из пивного бара, он якобы помочился на улице (действительно ли он сделал это или нет, я не знаю, но он был в этом обвинен).

В течение всех моих месяцев ожидания случилось лишь одно событие, повергшее меня в состояние, близкое к панике. В начале декабря 1972 года, вскоре после подачи заявления в ОВИР, я получил повестку из военкомата - повестку не заказную, просто брошенную в почтовый ящик; но, тем не менее, я всерьез струхнул. Дело в том, что я был старшим лейтенантом запаса, и меня в любой момент могли вызвать на военные сборы. И хотя моя военная специальность и близко не лежала ни к какой секретности (я был военным переводчиком), я подумал: а ну, как возьмут меня, сердечного, хоть ненадолго на сборы, а там я издали увижу сверхсекретную гаубицу или, Боже упаси, ракету; и хотя я даже под пыткой не смогу сообщить империалистам самых элементарных сведений об этом оружии, потом советская власть наклепит на меня какую-нибудь форму секретности, и не видать мне разрешения на эмиграцию, как своих ушей (такие истории, по слухам, бывали). Конечно, возможно, что это была всего лишь какая-то бюрократическая военкоматская рутина, но рисковать я не мог. Поэтому я ушел в глубокое подполье: я упаковал в чемодан кое-какую одежду, взял пишущую машинку и переехал к одной своей знакомой, согласившейся меня приютить в своей отдельной квартире. Эту знакомую я выбрал как истый конспиратор: у нее не было телефона (не дай Бог, у меня возникнет искушение кому-нибудь позвонить), и я мало кому сообщил, куда я переезжаю, и лишь изредка из уличных будок я звонил своим знакомым, чтобы узнать последние новости. А Светлане я строго наказал, что, если

следующую повестку мне принесут заказным письмом под расписку, так чтобы она нипочем не расписывалась, а отвечала, что я, разведясь с ней, уехал в другой город к какой-то бабе, а куда именно, она не знает и знать не хочет. После этого по почте пришла еще одна военкоматская повестка (тоже не заказная), а потом повестки перестали приходить, и через месяца полтора я рискнул вернуться домой. Что означали эти повестки, выяснилось позже, о чем я расскажу в соответствующем месте.

Итак, я избег многих неприятностей, с которыми столкнулись другие «подаванцы». Более того, я могу сказать, что в известной степени то были чуть ли не самые мои счастливые месяцы в Советском Союзе. Несмотря на угрожавшую мне перспективу добывания гигантских денег, впервые в жизни я был свободен. После того, как я подал заявление и лишился работы и заработка, у меня в этой стране не было будущего, я сжег за собой мосты, и мне было нечего терять. Только отказавшись от того, что называлось нормальной советской жизнью, я полностью понял, каким бременем она для меня была.

Меня могут спросить: а на что же я в это время жил, и чем я платил за все те, пусть мелкие, но бесчисленные поборы, которыми меня облагало государство в процессе оформления документов? Прежде всего, у меня еще был остаток гонорара за «Антологию». И, вдобавок, друзья собрали мне около тысячи рублей на отъезд: кто дал десятку, кто две, а кое-кто, кто был побогаче, даже и сотню. Друзья - но не родственники. Как сказал Юлиан Тувим, «Родственников дает нам судьба; но, слава Богу, друзей мы можем выбирать сами!» И то правда: узнав о моем предстоящем отъезде, мой старший брат Валерий - заведующий лабораторией - побоялся со мной проститься даже по телефону, а его жена (правда, всегда меня не любившая), говорят, лежала в перманентном обмороке, со страхом думая о том, каким образом мой непатриотический поступок отразится на карьере ее супруга (кстати, забегая вперед, никак не отразился). А, с другой стороны, иные и совсем малознакомые люди порой приходили ко мне по вечерам с бутылкой, чтобы выпить со мной на прощанье.

Итак, друзья собрали для меня немалые деньги (брат мой в числе этих друзей, естественно, не был): как известно, с миру по нитке - голому рубашка. Кое-кому я потом постарался эти деньги хоть как-то возместить, посылая из-за границы книги, альбомы, посылки, но не очень многие отваживались тогда со мной переписываться (за что я не брошу в них камень: все ведь под советской властью ходили). Некоторых уже нет в живых. Так что сейчас я пользуюсь случаем выразить тем из них, кто жив, свою запоздалую благодарность.

Кстати, в предотъездные месяцы я вдруг стал выгодным женихом - «не роскошью, а средством передвижения». Холостой мужчина, в-одиночку уезжавший за границу, был редкостью. Правда, жениться и увезти свою жену с собой я теперь не мог: ведь я уже подал документы в ОВИР. Но я мог зарегистрировать свой брак, а потом из-за границы вызвать жену, чтобы она приехала ко мне для «воссоединения семьи». В принципе, я

был не против того, чтобы помочь какой-то достойной женщине выехать из Советского Союза.

И вот Виолетта Бетаки задумала женить меня на своей подруге по имени Тамара. Конечно, Тамара не претендовала на мое сердце - только на мою руку, чтобы я прислал ей вызов из Израиля. Она была продавщица из магазина, довольно милостивая, но я никак не мог понять, зачем ей хочется уехать. Я понимал, зачем решил уехать русский поэт Бетаки: ему хотелось писать и печатать те стихи, которые не могла пропустить цензура, и читать те книги, которые в СССР были запретны. Я понимал, почему хотели уехать евреи, или люди, у которых за границей были настоящие родственники, или русские интеллектуалы, или диссиденты, пострадавшие от КГБ, или барышники, надеявшиеся обогатиться на Западе, Но Тамара не была ни еврейкой, ни диссиденткой, ни интеллектуалкой, и в свои 25 лет едва ли она могла так уж сильно пострадать от КГБ. Она объяснила, что ее отец (к тому времени покойный) внушил ей весьма негативное отношение к советской власти, но это как-то не звучало очень убедительно. В отношениях со мной Тамара была вкрадчива, как чеширский кот, и искусительна, как сирена, а коль скоро я, в отличие от Одиссея, не был привязан к корабельной мачте, один Бог знает, чем всё это могло кончиться; но что-то - не скажу, что, - удержало меня от соблазна ринуться на легкую добычу. Короче, так и не дав себя соблазнить (и сам себе поэтому удивляясь), я в конце концов решил, что вывозить Тамару за границу ни русский, ни еврейский Бог меня не уполномочивал.

Забегая вперед, расскажу о развязке этого сюжета: незадолго до своего отъезда я узнал, что Тамара была арестована, но отнюдь не органами КГБ, а органами ОБХСС, Оказалось, она была не просто продавщицей, а продавщицей в «Березке» (это был магазин для иностранцев, торговавший на валюту), о чем Виолетта «забыла» мне сказать. Небошь, она была замешана в каких-то финансовых махинациях и уже была на крючке: потому-то, зная, и хотела уехать.

Пока я ждал от ОВИРа разрешения на отъезд (или отказа), советское правительство вдруг сделало нам подарок. В январе 1973 года появился новый указ, дифференцировавший плату за образование. После того, как множество людей покинули Советский Союз, уплатив гигантские суммы, независимо от того, были они вчерашними выпускниками или седовласыми пенсионерами, правительство, крепкое задним умом, наконец решило, что это не совсем справедливо, и постановило, что те мужчины, которые после окончания вуза проработали 8 лет, и те женщины, которые проработали 6 лет, должны платить лишь 75% полной номинальной суммы; мужчины и женщины, проработавшие соответственно 15 и 12 лет, должны платить 50%, а проработавшие 25 и 20 лет - 25%. Пенсионеры полностью освобождались от уплаты. Этот указ нас приободрил, и число «подаванцев» сразу же стало расти, как грибы после дождя. Как пророчески написал Карлейль в своем дневнике 21 ноября 1855 года,

«Когда человеку грозила очень большая несправедливость, меньшая несправедливость воспринимается как благодеяние».

Вскоре я был повесткой вызван в ОВИР, и мадам Писковецкая приказала мне принести документы, доказывающие длительность моего трудового стажа.

Это тоже было не так просто, как могло показаться. Согласно моей трудовой книжке, мой общий трудовой стаж составлял 14 лет и 10 месяцев. Однако в качестве профессионального литератора я мог добиваться, чтобы мой стаж отсчитывался не по числу лет и месяцев моей службы в разных учреждениях, а начиная с даты моей первой публикации (январь 1958 года), и тогда он составлял 15 лет и 1 месяц. Рубеж 15 лет был границей между 75% и половиной требуемой от меня суммы: значит, на карту было поставлено 1700 рублей (мой заработок за год с лишним). Мне нужна была справка из Союза Писателей. Как я уже говорил, советские учреждения неохотно шли навстречу «подаванцам», если могли этого не делать, и я опасался, что получить такую справку будет не так-то легко. Помог мне тот же Юрий Борисович Корнеев. Когда я пришел к нему в Дом Писателей, объяснил, в чем моя проблема, и показал ему свой список печатных работ и свою первую публикацию, он покачал головой и сказал:

– Ладно, оставьте мне всё это и позвоните через несколько дней.

Через несколько дней я ему позвонил, затем в тот же день к нему пришел, и он вручил мне нужную справку, которую я тут же отнес в ОВИР.

[N.B. Чем объяснить то, что Корнеев так охотно мне помогал, вместо того, чтобы, как полагалось представителю Партии, чинить мне помехи? Много лет спустя я спросил его об этом, когда встретился с ним, приехав туристом в Ленинград (тогда уже Петербург) осенью 1992 года. Корнеев ответил, что вообще-то он и раньше, еще до моей подачи, всегда мне симпатизировал, а что касается советской власти, то, несмотря на всю свою партийность (в Партию он вступил на фронте), эту власть он любил не больше меня и, в пределах разрешенных возможностей, старался по крайней мере не помогать ей делать людям гадости. Корнеева, увы, уже нет в живых: мир праху его!]

Наконец, 19 февраля 1973 года (знаменательный день!) меня снова вызвали в ОВИР, и инспектор Смирнова (третья инспекторша, с которой я имел дело) сообщила, что мне разрешено выехать в Израиль. Мой стаж, согласно справке, врученной мне Корнеевым, засчитывался как превышающий 15 лет, и, стало быть, я должен был заплатить за свое образование лишь половину той суммы, которая с меня причиталась раньше. Мне дали на подпись бумагу, в которой я обязался покинуть пределы СССР в течение месяца, уплатив «всего» 3 400 рублей: то есть, если бы я продолжал работать и зарабатывать столько, сколько раньше (а ведь я был уже безработный), мне, чтобы собрать такую сумму, нужно было бы работать еще полных два года – при том, что всё это время я бы не ел, не пил и в кино не ходил.

Так что даже и таких «сокращенных» денег у меня, конечно, не было. Обычно, получив разрешение, будущий эмигрант обязывался уладить все свои предотъездные дела, собраться и выехать в течение определенного срока. Как правило, этот срок был от 2 до 4 недель, и до августа 1972 года все старались в него уложиться. Но после введения налога на образование многие поневоле откладывали и откладывали свой отъезд, пока не добывали деньги. Однако было немало примеров, показывающих, что угроза отменить разрешение не стоит выеденного яйца: решение о том, кого отпустить, а кому отказать, принималось, конечно, не в ОВИРе, а в куда более высоких инстанциях, и не инспекторам ОВИРа было дано право это решение отменять. Многие люди, которые не могли заплатить за свое образование, по нескольку раз пропускали свои сроки выезда - и каждый раз им эти сроки продлевали.

Так что, когда Смирнова попросила меня подписать обязательство выехать в течение месяца, я подписал его, не задумываясь, хотя я очень смутно представлял себе, где я добуду около 4 тысяч рублей, чтобы заплатить налог на образование (а деньги, необходимые, чтобы заплатить за визу, за отказ от гражданства и т.д., как я объяснял, у меня уже были).

[N.B. Советское правительство тогда требовало, чтобы люди, выезжавшие именно в Израиль, отказывались от советского гражданства; хотя от людей, выезжавших в другие страны (например, от женщин, вышедших замуж за иностранцев), этого не требовали. Впоследствии, уже при перестройке, Верховный Суд признал это требование незаконным, и российская власть официально (и бесплатно) вернула гражданство группе видных диссидентов, которые были лишены гражданства (Солженицыну, Максимова и др.). Однако людям более скромного ранга, лишенным гражданства, этого даже не предложили. Причем, говорят, некоторые бывшие эмигранты, которые сейчас хотят вернуть себе российское гражданство, должны за это заплатить круглую сумму: то есть, сначала они заплатили за то, что их незаконно лишили гражданства, а теперь их вынуждают платить за возвращение им этого гражданства, отнятого незаконно.]

Итак, я получил разрешение. Оставался пустяк: достать 3 400 рублей.

5. В ПОГОНЕ ЗА ЗОЛОТЫМ ТЕЛЬЦОМ

Человека, который говорит мне, что он презирает деньги, я считаю лжецом, пока он не предъявит мне убедительного доказательства правоты своих слов. Когда же он это сделает, я с уверенностью скажу, что он дурак.

Абуль Фарадж

Конечно, я не надеялся, что кто-нибудь подарит мне 3 400 рублей за мои красивые глаза. Я рассчитывал на какого-нибудь шильника, который наворовал большие суммы и хочет вывезти их в Израиль, чтобы там получить их из расчета по лире за рубль.

А сейчас, истины ради (ибо, как сказал Аристотель, «Платон мне друг, но истина дороже»), я расскажу несколько эпизодов, которые, несомненно, понравятся

антисемитам и дадут им пищу для национал-патриотической пропаганды. Дело в том, что до своей подачи я вращался, в основном, среди интеллигентов - русских и евреев, - и таких еврейских персонажей, каких я увидел в свои предотъездные месяцы, мне до того встречать еще не доводилось.

Например, в январе 1973 года (еще до того, как я получил разрешение), провожая своего знакомого, отбывавшего в Израиль, я сидел на скамейке в зале ожидания Ленинградского аэропорта, пока уезжавший проходил таможду. Рядом оказался какой-то разговорчивый старичок, который завязал со мной беседу и стал делиться соображениями о том, каким образом можно вывезти в Израиль золото, серебро и еще какие-то драгоценности. Он мне изрядно надоел, и я, будучи, как всегда, непрактичным, прервал его на полуслове и сказал, что у меня есть всего одна-единственная драгоценность, и если мне удастся вывезти ее в Израиль, то мечта моей жизни будет выполнена. Он, видимо, решил, что у меня в заначке - по меньшей мере «голубой карбункул», и, затаив дыхание, спросил, что это за драгоценность.

- Эта драгоценность вся перед вами, - ответил я, тыкая в себя пальцем куда-то в середину галстука. — И если я ее вывезу, мне больше ничего не надо.

Старичок посмотрел на меня, как на законченного идиота, и немедленно потерял ко мне всякий интерес. Жаль: я так и не успел спросить его, не мог ли бы он подкинуть мне три-четыре тысячи рублей на бедность.

Вращаясь среди «подаванцев», я надеялся, что они наведут меня на каких-нибудь барышников, готовых одолжить мне деньги. В январе кто-то дал мне чей-то адрес в Вильнюсе, и я поехал туда. Прямо с вокзала я отправился по указанному мне адресу (телефона там либо не было, либо мне не дали его номера). Когда меня впустили в квартиру, там оказалось пять или шесть старых евреев, которые, едва я успел представиться и объяснить, зачем я приехал, подняли дикий гвалт, в котором я сумел различить лишь отдельные слова:

~ Гахантии! Гахантии! Какие у вас гахантии?

Я попытался объяснить, что единственной моей гарантией является мое честное слово, да расписка, которую я дам своему заимодавцу. Я выразил уверенность, что эта расписка будет иметь полный вес в израильском суде, если я захочу отвертеться от уплаты своего долга.

Однако, видимо, к израильскому суду они относились так же недоверчиво, как к советскому. Каких еще гарантий они в принципе могли от меня ожидать, мне так и осталось неясным. Я понял, что зря потратил время и деньги на билет, вернулся на вокзал и первым же поездом уехал обратно в Ленинград.

Еще кто-то дал мне адрес весьма пожилого москвича по имени Генрих Рувимович Шехтер, и в середине февраля я поехал в Москву. Шехтер жил где-то у черта на рогах - кажется, в Очакове. Он меня очень любезно принял, и я провел с ним пять или шесть часов, причем он говорил, почти не закрывая рта, а я лишь вежливо поддакивал. Он

рассказал мне, как ловко он разбогател, и каким образом ему это удалось. Не раз и не два он повторил:

- Дело в том, что я вижу деньги там, где другие люди их не видят.

В качестве иллюстрации он рассказал мне очень дурно пахнущую историю о том, как он еще во время войны умудрился, объегорив каких-то работяг, получить за их счет три комплекта продуктовых карточек вместо одного (подробностей этой истории я не запомнил). Он показал мне (издали, не давая в руки) несколько своих сберкнижек с весьма внушительными суммами. Согласно его жизненному плану, он собирался раздать в долг все свои деньги образованным евреям, уезжавшим в Израиль, затем уехать туда самому, там получить свои деньги обратно из расчета по лире за рубль и прожить свою старость мирно и безбедно под теплым израильским солнцем. Когда, наконец, настала пора поговорить и о моих делах, он объяснил, что не может дать мне деньги сейчас, ибо он меня не знает, но он наведет обо мне справки у своей, как он сказал, ленинградской агентуры, и после этого он мне напишет (позвонить он отказался, опасаясь подслушек) и даст мне адрес человека, который ссудит мне деньги, а я эти деньги ему верну в Израиле.

Итак, я вернулся из Москвы несолоно хлебавши. Как ни парадоксально, помог мне с деньгами не еврей-«подаванец», а мой знакомый врач, никуда не уезжавший: он дал мне адрес какого-то своего коллеги - то ли гинеколога, то ли венеролога по фамилии Садовник, - который накопил много денег и теперь собирается уехать в Израиль.

Садовник жил где-то на очень далекой окраине на Гражданке, и у него не было телефона, так что я вынужден был поехать к нему наудачу, не зная, застану ли я его дома. К счастью, я его застал (было часов семь вечера): он уже знал обо мне от нашего общего знакомого. Он отсчитал мне 3 400 рублей, положил их в конверт, получил от меня расписку (которую, как он не забыл предупредить, он вывезет в Израиль) и отпустил меня с миром.

С миром ли? Везя в кармане такую гигантскую сумму, я ужасно боялся, что со мной что-то случится, меня бросало то в жар, то в холод, и я молил Бога послать мне такси. Но, к сожалению, Бог не внял моей молитве, да и троллейбус долго не шел. На остановке веселилась и материлась какая-то блатная компания, но, к счастью, они не обратили на меня внимания (знали бы они, что у меня в кармане!). Наконец подошел троллейбус, и, приехав домой, я сразу запер деньги в ящик письменного стола, собираясь завтра же отнести их в банк и избавиться от них, уплатив за свое образование.

На дворе была пятница, а в субботу банк работал только до 12 часов дня. На беду (или, скорее, на счастье), поздно вечером ко мне в гости зашел какой-то приятель с поллитровкой, мы выпили, просидели чуть ли не до трех часов ночи, и я так крепко уснул, что проснулся только в первом часу дня. Так что приходилось ждать до понедельника. Всю субботу и воскресенье я сидел дома, не спуская глаз с ящика стола, в котором лежали деньги. В понедельник, 17 марта, когда я завтракал и уже

собирался бежать в банк, вдруг в большой ажитации позвонил Бетаки и сказал, что на завтрашнее утро его вызвали в ОВИР и что, по слухам, плату за образование отменяют. Конечно, после такого сообщения ни в какой банк я не побежал. Во вторник Бетаки пошел в ОВИР, и там ему объявили, что в *порядке исключения* ему разрешают выехать бесплатно. Еще два дня я просидел, как на иголках. В четверг я получил из ОВИРа повестку с приглашением на пятницу. В тот же день пришло письмо от Шехтера: видимо, учуяв, что налог на образование отменяют, он заволновался и, надеясь, что, авось, я еще об этом не знаю, сообщил мне адрес человека, готового дать мне деньги. Через день я ответил Шехтеру краткой запиской: «Дорога ложка к обеду». Какие он дальше стал строить наполеоновские планы безбедной старости под теплым израильским солнцем, я не знаю.

Наконец, в пятницу я пришел в ОВИР. Там была тьма народу, гудящего, как потревоженный улей. Всё это были «подаванцы», вызванные повестками, многие из них - такие, которым давно пора было уехать. То одного, то другого по очереди вызывали к тому или иному инспектору и объясняли, что в *порядке исключения* ему разрешают уехать бесплатно. Инспекторы были в полной оторопи: они отлично понимали, что стали посмешищем. Представляю, что они ощущали, объясняя каждому, что ему делается поблажка в *порядке исключения* - и это после того, как они месяцами угрожали нам, что у тех, кто не заплатит в срок, отнимут разрешение. И за какие грехи советская власть поставила своих верных слуг в такое идиотское положение?

Дождаясь, пока вызовут меня, я провел в ОВИРе несколько часов, беседуя чуть ли не со всеми, кто выходил из инспекторских кабинетов: каждый из них был *исключением*, никто не был *правилом*. Мы все знаем, что нет правила без исключения. Здесь всё было наоборот - сплошные исключения без единого правила. Наконец вызвали и меня, и мне тоже объявили, что в *порядке исключения* я могу уехать, не платя за образование. Почему советская власть сделала нам всем такой подарок, я до сих пор не понимаю.

Чтобы хоть как-то скомпенсировать свое унижение перед людьми, над которыми они еще недавно с удовольствием измывались, инспекторы стали давать нереально короткие сроки для выезда под угрозой отнять разрешение. Но этих угроз уже никто не боялся: каждый знал, что им грош цена. Наконец-то мы могли насладиться своей безнаказанностью перед представителями советской власти. Так, моя Смирнова потребовала, чтобы я выехал *через семь дней*. Это было практически невозможно (ведь одна лишь поездка в Москву для легализации документов занимала дня три-четыре), и я нагло отказался подписать обязательство выехать в такой короткий срок, хотя Смирнова пригрозила, что мое *исключение* будет аннулировано, и мне придется таки платить за образование. Когда через четыре дня я пришел за своей визой, срок выезда мне спокойно продлили до двух недель: этого мне было вполне достаточно.

Бывали ситуации совсем парадоксальные. Кандидат химических наук Давид Кринкин уже заплатил за себя и за свою жену 10 с лишним тысяч рублей за их образование. Он

внес деньги в банк в *понедельник* (как чуть было не сделал я) и сразу пошел в ОВИР, чтобы сдать квитанцию за уплату денег, но в ОВИРе ему сообщили, что он может ехать бесплатно. Он кинулся в банк, но банк отказался вернуть ему деньги, хотя Давид был освобожден от их уплаты. Никакие апелляции не помогли. Так он и уехал в Израиль, будучи, небось, единственным человеком, который вывез *оригинал* квитанции об уплате за образование (обычно этот оригинал нужно было сдать в ОВИР, и все выезжавшие вывозили с собой лишь его фотокопию, сделанную обычным фотоаппаратом: копировальных машин в СССР тогда не было, их мы впервые увидели лишь в Израиле, сразу же прозвав их «мечтой самиздатчика»).

Но у меня была еще одна проблема - деньги доктора Садовника, которые все еще лежали в ящике стола: их надо было отдать владельцу. Обдумав ситуацию, я снова пустился в опасное путешествие на Гражданку. На этот раз я вызвал по телефону такси и, к счастью, опять застал своего заимодавца дома. Я горячо поблагодарил его за готовность мне помочь, но, сказал я, к счастью, его помощь не потребовалась, и я с благодарностью возвращаю ему деньги.

- А я их не возьму, - ответил Садовник. - Деньги мне нужны не здесь, а там. У меня - ваша расписка, что я ссудил вам деньги, я вывезу эту расписку в Израиль, и ее признает любой суд. А вы тут делаете с этими деньгами, что хотите.

Я довольно долго его уламывал, но он был неумолим. Наконец (честно говоря, я предвидел такой поворот событий и подготовился к нему) я сказал:

- Ладно. Но завтра я пойду на почту и отправлю вам деньги почтовым переводом. И я сохраню квитанцию, которую вывезу в Израиль. А там подавайте на меня в суд: я смогу доказать, что свой долг я вам вернул.

Тогда, надо отдать ему должное, он смилостивился и согласился взять деньги - и вернул мне мою расписку.

5. ИСХОД

Но в конце пути сияй
по заветам Саваофа,
уходящему - Синай,
остающимся - Голгофа.

Борис Чичибабин

Всё остальное было более или менее просто. В предотъездные месяцы я заранее подготовил копии документов (институтского диплома, трудовой книжки и т.д.), которые нужно было легализовать в Министерстве иностранных дел и в Министерстве юстиции в Москве. Из профгруппы при Союзе писателей я был исключен еще в декабре, из Политехнического Института я тогда же уволился сам. Теперь мне нужно было сходить в военкомат: сдать свой военный билет и сняться с воинского учета. В военкомат я шел не без трепета, вспоминая о полученных в декабре повестках.

Когда я предстал перед каким-то «лазоревым полковником» и назвал свою фамилию, он достал мое личное дело, взглянул в него и весело сказал:

- А, старший лейтенант Бен! Что же вы так долго не появлялись? Мы ведь посылали вам повестки. Поздравляю вас: вам решено присвоить очередное воинское звание - капитана.

Я, потупившись, сказал, что, видимо, теперь мне, наоборот, предстоит снижение в звании до чина рядового, ибо я уезжаю в Израиль, и израильская армия едва ли учтет мой советский боевой опыт: так что я пришел сдать свой военный билет.

Полковник не выразил ни осуждения, ни даже удивления. Таким же веселым тоном он сказал:

- Ах, вот как! Ну, что ж, поздравляю. Судя по всему, в Израиле очень боеспособная армия. Желаю вам и там быстрого продвижения по службе.

После этого он за пять минут снял меня с учета, выписал мне справку об этом, взял мой военный билет, выдал мне за него расписку и еще раз пожелал мне быстрой военной карьеры в израильских вооруженных силах. Я сразу зауважал Советскую Армию: никакой бюрократической волокиты, всё было сделано быстро и эффективно. Затем я сходил в жилконтору и аннулировал свою прописку. Это тоже было несложно, поскольку на моей жилплощади (в коммунальной квартире, где я жил) оставались члены моей бывшей семьи, и мне не нужно было сдавать квартиру государству. Другие люди в таких случаях столкнулись с трудностями. У тех, кто сдавал квартиры, требовали, чтобы перед отъездом они сделали в квартирах ремонт. Представляю, как хлопотно было найти рабочих и сделать ремонт за недели. Один отъезжавший жил в квартире с родителями, не собиравшимися эмигрировать. Какой-то бюрократ из жилконторы отказался аннулировать его прописку, так как, по его мнению, эта квартира была слишком велика для двух одиноких стариков; он потребовал, чтобы они еще до отъезда их сына обменяли свою квартиру на менее просторную.

- Какой в этом смысл? - спросил сын. - Да они сами через полгода уедут ко мне, когда я устроюсь и пошлю им вызов!

Бюрократ быстро прокрутил эту информацию в своем мозгу и сообразил, что лучше не настаивать: ведь если родители сейчас произведут обмен, то, уезжая в Израиль, они вернут жилконторе худшую квартиру, чем та, что у них сейчас. И он принял Соломоново решение: «Пусть они подпишут обязательство, что они через полгода уедут в Израиль». Они подписали такую бумагу, и бюрократ аннулировал прописку их сына. Хотел бы я увидеть, что он стал делать с их обязательством через полгода, дабы принудить к эмиграции двух престарелых советских граждан, которые никуда уезжать не хотели.

Мне (как и всем) предстояло еще немало дел. В частности, надо было получить справку о том, что я не взял никаких вещей напрокат и что я уплатил за телефон. Здесь, надо признаться, мы, «отъезжанты», как гласит английская поговорка, «сами выстрелили себе в ногу».

Дело в том, что некоторые оборотистые евреи перед отъездом в Израиль брали напрокат разные вещи (кто утюг, кто фотоаппарат, а кто даже и телевизор или холодильник) и увозили эти вещи с собой в Израиль. В Ленинграде была центральная контора, где фиксировались все вещи, взятые напрокат в многочисленных городских ателье проката. И вот теперь на «отъезжантов», которые и без того лихорадочно сновали туда и сюда по городу в поисках разных справок, свалилась дополнительная забота: получить справку о том, что они ничего не взяли напрокат. Такую справку выдавали легко, но ведь нужно было выискать время, чтобы в эту контору съездить - иногда на другой конец города - и выстоять там в очереди, нередко довольно большой.

Что же касается справки об уплате за телефон, то для многих это была «маленькая трагедия». Некоторые люди перед отъездом решили поживиться за счет Министерства связи и почем зря звонили в Израиль или в Америку и болтали сколько душе угодно, а счет эти разговоры приходил уже после их отъезда. Бетаки мне с восторгом рассказывал, как его приятель, некий Миша, перед своим отъездом в декабре 1972 года собрал у себя на квартире группу «подаванцев», а где-то в Тель-Авиве собралась такая же группа их друзей, уже уехавших, и каждый ленинградец хоть несколько минут побеседовал со своим тель-авивским другом: всего этот общий разговор длился часа два или три. Через несколько дней Миша уехал - и за этот разговор не заплатил ни гроша.

Государство спохватилось, и это добавило головной боли людям, уезжавшим уже в мое время: от них ОВИР требовал справки из городского телефонного управления об уплате за телефонные услуги, а после этого у них сразу отключали телефон. И отъезжавший не только должен был тратить время на поездку в телефонное управление и ожидание там в длинной очереди, он, вдобавок, еще и был лишен телефона в последние предотъездные дни, когда телефон ему был нужен, как воздух.. Правда, у меня лично этой проблемы не было, поскольку мой телефон оставался в нашей коммунальной квартире, и я мог спокойно пользоваться им до последней минуты своей жизни в этой квартире; но справку о том, что я свой телефон не сдаю и что, следовательно, он будет потом оплачен, мне всё же нужно было получить - поэтому пришлось и в телефонное управление проехаться, и в очереди там выстоять.

Добывание этих справок (а также покупка билета на самолет, что тоже потребовало стояния в очередях) заняло три дня. После этого я заплатил 900 рублей за отказ от гражданства и за свой заграничный паспорт и явился в ОВИР, где и получил, наконец, выездную визу.

[N.B. *Напомню тем, кто этого, возможно, не помнит или вообще не знает: в отличие от нынешних благословенных времен, в советскую эпоху человек, выезжавший из Советского Союза за границу (на время или навсегда), должен был получить не только **въездную** визу от государства, в которое он ехал, но и **выездную** визу от советского правительства.]*

Теперь мне предстояло прокатиться в Москву для получения израильской въездной визы и легализации своих документов. В Москве я, должно быть, изрядно обогатил столичный таксомоторный парк, целыми днями разъезжая на такси из одного учреждения в другое (ибо поездки на общественном транспорте занимали слишком много времени). Я побывал в нидерландском посольстве, представлявшем интересы Израиля в Советском Союзе (поскольку наша страна на имела дипломатических отношений с Израилем), чтобы получить там израильскую визу, и в австрийском посольстве, чтобы получить транзитную визу для проезда через Вену. Дважды я побывал в Министерстве юстиции и в Министерстве иностранных дел, чтобы легализовать копии своих документов: там везде тоже были очереди, состоявшие отнюдь не только из евреев. Так, в одной из этих очередей я разговорился с молодым армянином, приехавшим в Москву из Еревана. Он говорил по-русски с сильным акцентом - но не армянским, а французским. Он рассказал, что родился в Париже и приехал в Армению подростком вместе с родителями двенадцать лет назад. Я спросил:

— И сколько времени вы добивались разрешения вернуться во Францию?

– Двенадцать лет, – ответил он.

Сделав все дела в Москве, я вернулся в Ленинград собираться в дорогу. За несколько дней до отъезда я поехал на таможню сдавать свой багаж. Отправка багажа прошла гладко, потому что у меня не было никаких драгоценностей, а багаж в основном состоял из книг. Лишь одну книгу мне запретили вывезти – советское издание повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Согласно правилам, не разрешалось вывозить за границу материалы, содержавшие государственную тайну, а также антисоветскую пропаганду. Не знаю, по какой из этих двух категорий пошла повесть Солженицына. Я понимаю заботу таможни о государственной тайне, но что касается антисоветской пропаганды, то какой был смысл ехать в Тулу со своим самоваром? Кроме повести Солженицына, больше ничего подозрительного я не вез. Пока таможенники рылись в моих книгах, я к месту вспомнил слова, по мнению нынешних национал-патриотов, «еврейского поэта»¹³ Генриха Гейне :

«Глупцы, вам ничего не найти,
И труд ваш безнадежен!
Я контрабанду везу в голове,
Не опасаясь таможен.»

После того, как отправка книг багажом была закончена (зная, что рукописи - *никакие* рукописи - вывозить не разрешалось, основные свои рукописи я заранее отправил в Израиль через нидерландского консула), 6 апреля я приехал в аэропорт, прошел таможню своей ручной клади и вылетел в Вену.

13 С.Семанов. Судьба белого генерала до и после кончины. - «Наш современник», 2001, №2, стр. 190

Итак, мой «исход» прошел относительно благополучно - благополучнее, чем «исход» большинства людей, которых я знал. Я избег многих трудностей, которыми меня с лихвой хотела снабдить советская власть, и, главное, я получил разрешение уехать, и меня миновала участь тех, кто этого разрешения не получил, - так называемых «отказников», лишившихся работы и заработка и оставшихся на мели, между небом и землей, в положении отверженных, которые не могли ни уехать, ни вести «нормальную советскую жизнь», как до своей подачи. Но об их участи я рассказывать не буду, ибо собственного опыта «отказничества» у меня нет, и об этом уже и без меня достаточно много написано (см. хотя бы воспоминания вышеупомянутого профессора Брановера¹⁴).

7. ВСЁ СНАЧАЛА

...в любое мгновение не поздно,
начните сначала!

Андрей Вознесенский

Вкратце расскажу о своем дальнейшем жизненном пути. Пять лет я прожил в Израиле, где занимался в основном переводами книг на русский язык, а также переводами диалогов западных кинофильмов (для русских иммигрантов) и журналистской работой. В Израиле я снова женился; и, вопреки уверениям тогдашних советских газет (а также досужим вымыслам эмигрантов, поехавших в другие страны), что якобы из Израиля людей не выпускают за границу, я за эти пять лет побывал в Америке и в нескольких странах Западной Европы. В 1978 году меня с женой пригласили на работу в Мюнхен на радиостанцию «Свобода», где мы проработали три с половиной года, после чего перешли работать на Би-би-си и переехали в Лондон, где живем по сей день.

Итак, 6 апреля 1973 года я сел в самолет на Вену и 10 апреля прибыл в Израиль. Я был наконец свободен! Моя семья была разрушена, я оставил в России жену и дочь, оставил друзей, многих из которых знал с детства, порвал со страной, в которой родился и вырос, и я понимал, что впереди меня ждет еще немало трудностей и мне придется всё начинать сначала, - но я был наконец свободен. Большим человеком, чем был, я не стал; я остаюсь ассимилированным русским евреем, человеком русской культуры, кем бы ни считали меня национал-патриоты, вроде моего вышеупомянутого бывшего друга: большинство книг в моей библиотеке - на русском языке, и я продолжаю переводить стихи и прозу на русский язык, чему есть свидетельства и в российских библиотеках, и этим я, как мне кажется, вношу какой-то скромный вклад в русскую (а не, как выражаются национал-патриоты, в «русскоязычную») культуру. Но, уехав из России, я в то же время внес свой скромный личный вклад и в исполнение заветной мечты национал-патриотов, заключающейся в том, чтобы сделать Россию

14 H.Branover. Return. - "Feldhelm Publishers", Jer.-N.Y., 1982, pp.113-119

абсолютно judenfrei, И меня должен не бранить, а до небес превозносить, например, журналист Щекатихин, который уже в наши дни пишет в легальной российской газете, что «только изгон жидов из России может открыть дорогу для ее возрождения»¹⁵. И президент России, который, как мне кажется, лично вовсе не антисемит, пока еще, насколько мне известно, ни разу не выступил публично с заявлением хотя бы о том, что он не разделяет таких высказываний. Это, наверно, удивляет национал-патриотов, потому что, по их мнению, именно такого заявления надо бы ждать, как выражается другой подобный журналист Р.Жданович, от «человека с распространенной в Израиле фамилией Путин».¹⁶ (О том, насколько распространена в Израиле эта фамилия, свидетельствует то, что тщательные розыски в телефонной книге округа Дан - то есть, Тель-Авива и его окрестностей, где живет примерно треть населения Израиля, – выявили лишь одного абонента по фамилии Путин - по имени Людмила - не жена ли это Владимира Владимировича?). Две вышеприведенные цитаты - это лишь немногие из бесчисленных подобных цитат, которые я мог бы привести, но воздержусь, ибо, как я уже цитировал, «кто не слеп, тот видит». Так что и сейчас, когда Россия преобразилась и продолжает преображаться настолько, что ее граждане чуть ли не каждый месяц заново открывают собственную страну, я, читая такие цитаты, лишний раз убеждаюсь, что мне не стоит жалеть о своем выезде из этой страны, и у меня не возникает ни малейшего побуждения в нее снова переехать или даже, на худой конец, вернуть себе незаконно отнятое у меня советское (ныне российское) гражданство. Но я рад, что теперь наконец-то в России есть свобода печати (хотя ею пользуются такие советские последыши, как Щекатихин, которые при советской власти черта с два напечатали бы что-либо, хоть отдаленно похожее на их нынешние писания) и что человек, который имел и потерял советскую прописку, может теперь печататься в России под своей фамилией: это внушает мне надежду, что господин Щекатихин и господин Жданович, вопреки своим утверждениям, не выражают мнения не только большинства, но даже сколько-нибудь значительного меньшинства русского народа.

ГЕОРГИЙ БЕН (Лондон)

¹⁵ Е.А.Щекатихин. Какая разница - при Ленине, при Путине? - Россия во власти жидов. -- «Наше отечество», 2000, №129, стр.1

¹⁶ Р.Б.Жданович. О национальной принадлежности премьер-министра. - «Дуэль», 2000, №11 (154)

